

Возле дома номер семь гражданин Никифоров при-
остановился.

Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта увлекала, притягивала к себе. В ней были мужчины и женщины, которые шептались и выкрикивали.

Если б это была молчаливая мужская толпа, гражданин Никифоров ни секунды бы не задержался, а тут захотелось затесаться в толпу, пошептаться с кем-нибудь, крикнуть своё.

Гражданин затесался с краешку, и сразу же какой-то небритый шепнул ему на ухо:

— И что ж, их прямо в рясе повели?

— Не знаю, — вздрогнул гражданин.

Его напугали эти неприятные слова. Слова «ряса» он недопонял, а что такое «повели», сразу догадался.

— Ага, в рясе, — громко сказал верзила без шляпы. — Идут рядышком пять монахов, а руки цепями скованы.

— Вывели из подворотни и — в жёлтый фургон.

— Чего ты болтаешь! Какой фургон! У них денег полный чемодан!

— Да разве вы не слышали? В Перловке монахи чёрные объявились, три мешка золота унесли.

— Какие монахи! Какое золото! У нас монахи только у Кренделя, а у него их всех спёрли.

— Кого?

— Монахов! Спёрли и в корзинке унесли!

— Да разве они залезут в корзинку?

— Тьфу! — плюнул гражданин Никифоров и подумал про себя: «Не надо было мне сюда затёсываться. Тут можно в историю влипнуть». Он сделал шаг в сторону и наткнулся на старушку, пристально его разглядывающую.

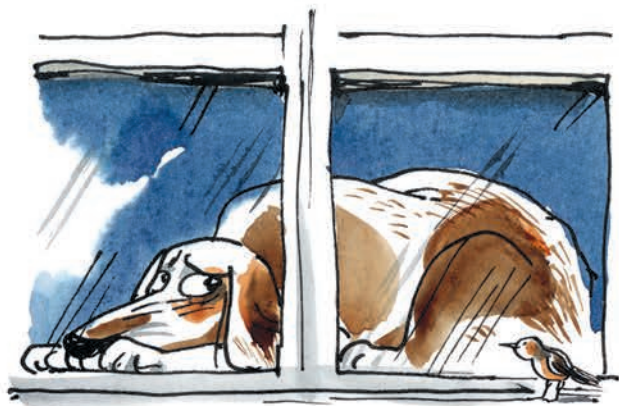
— А ну-ка постой, голубок, — сказала старушка, плечом загораживая дорогу. — А не ты ли лазил в буфет? Зачем ты бледнеешь?

Смертельно тут побледнел гражданин Никифоров и побежал со всех ног.

Часть первая

Пятница

Дорогу новому

Был синий весенний день, который клонился уже к вечеру.

От асфальта, нагретого солнцем и омытого дворниками, пахло черёмухой.

Все окна в нашем доме были распахнуты, и кое-какие жильцы выглядывали во двор. Одно окно во втором этаже было крепко заперто шпингалетами, и оттуда сквозь светлое стекло глядела на улицу пыльная собака Валет.

Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зелёным луком, послышался голос:

— Где моя курица?

— Она висит между дверями, — раздражённо ответили из глубины квартиры.

— Вечно она вешает курицу между дверями, — сказал Крендель. — По-моему, это глупо.

— Ещё бы, — ответил я.

Мы стояли посреди двора, под американским клёном, на ветвях которого качался коричневый чулок.

— А ты, Крендель, молчи! — крикнула Райка Паукова, высовываясь из-за зелёного лука. — Вот дом снесут и буфет сломают!

Крендель посерел. Буфет был его больным местом.

— Как хотите, а я не выселюсь! — крикнула тётя Паня с пятого этажа.

— Второй год сижу на чемоданах, — сказала Райка. — Ещё и не знаю, куда переселят. Загонят в Бирюлёво.

— А я в Бирюлёво не поеду, — сказала тётя Паня. — Там все дома белые.

— Дом подлежит сносу, — подал голос дядя Сюва с третьего. — А раз подлежит — следует его сломать. Старое на слом! Надо дать дорогу новому.

— Мне и в старом хорошо, — высказалась тётя Паня.

— Кому это нужно сносить наш дом? У нас даже лифт есть, в первом подъезде.

— И кабина совсем новенькая! В ней можно на Марс улететь.

— А вдруг не снесут? — сказал Крендель. — Вдруг передумают? Обещались к маю снести, а не сносят.

— Снесут, снесут, и буфет с крыши скинут, — добавила Райка, мстительно выглянув из окна.

Крендель недовольно глянул вверх. Там, на крыше, прямо под облаками, стоял старинный резной буфет. Он хорошо был виден с тротуара, и прохожие подолгу раздумывали, в чём его смысл. Но когда появлялся на крыше Крендель, распахивал дверцы — в небо вылетали пять голубей.

— Голубятня! — удивлялись прохожие. — Уголок старой Москвы!

— Надо дать дорогу новому, — толковал дядя Сюва. — Новое идёт на смену старому.

— А в новых домах, — сказала Райка, — голубей держать не разрешается.

Она нервно наломала зелёного лука и спряталась в глубине квартиры.

— А я на балконе буду держать. На балконе-то, наверно, можно. Верно, Юрка?

— Ещё бы, — ответил я.

Крендель повеселел и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

— Что это всё — гитара да гитара, — сказал он. — Есть ведь и другие музыкальные инструменты.

Он приложил гармошку к губам. Казалось, он примеривается съесть её, как сверкающее пирожное.

— Сыграй что-нибудь душевное, Кренделёк, — сказал дядя Сюва, и Крендель дунул в басы.

Шипящее, гудящее дерево музыки выросло рядом с американским клёном, и сразу же Райка прикрыла окно, дядя Сюва стал смешно дирижировать толстыми пальчиками, а возле третьего подъезда остановился Жилец из двадцать девятой квартиры, только что вошедший с улицы во двор.

«Некому берёзку заломати...»

Об этом Жильце надо бы рассказать подробнее, потому что в первую очередь подозрения упали на него. Но упали они немного позднее, примерно через час, а в тот момент Жилец из двадцать девятой квартиры стоял у подъезда, слушал музыку и был вне подозрений. Впрочем, стоял он понуро, плечи его были опущены, голова в плечи втянута, будто он боялся, что на него что-нибудь упадёт.

Вдруг он расправил плечи, более гордо поднял голову и пошёл прямо к нам. Однако подойти к нам было не просто. Уже не дерево, а заросли музыки, колючие кусты вроде шиповника выдувал Крендель из губной гармошки. Жилец с трудом продирался через них, трещал его плащ, а Крендель играл всё сильнее, стараясь превратить эти заросли в джунгли.

— Разрешите, — сказал Жилец и протянул руку.

— Что такое? — не понял Крендель, отрывая гармонь ото рта.

— Музыка утоляет печаль, — сказал Жилец и мягко отобрал музыкальный инструмент. Вынул из кармана носовой платок с фиолетовыми цветоч-

ками, аккуратно протёр им гармонику и после приложил её к губам. Он не всунул её грубо в рот, как это делал Крендель, а сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармошка удивлённо прошептала: «Финкельштейн».

Жилец недовольно покачал головой и снова принялся протирать и продувать гармошку. Затем сложил из губ ещё более красивый бантик, глаза его увлажнились, и тихо-тихо, тоскливо и томительно он заиграл: «Некому берёзку заломати...»

И джунгли Кренделя сразу увяли, кусты поникли, листья опали, улеглись под американским клёном, и как-то само собой возникло вокруг нас золотое поле пшеницы и берёзка, трепещущая на ветру. Играя, Жилец глядел в небо, слегка раскачивался

и в своём зелёном плаще был похож, в конце концов, на берёзку, которую никто не любит и не хочет почему-то заломати.

Тётя Паня свесилась из окна поглядеть, кто это играет, опечалилась за стеклом собака Валет, и даже Райка хмуро глянула из-за зелёного лука, оправив волосы. Замахал под музыку ветвями американский клён — единственное наше дерево, а дом наш, старый, пятиэтажный, помрачнел, раздумывая над словом «заломати».

— Прямо за душу берёт, — сказал дядя Сюва, — и держит. — Он сморщил лицо и сжал рукой горло. — Всю душу изранил, — сказал он. — Ну не бери же ты меня так за душу! Прошу: не бери!

Ласково, как плющ, музыка оплетала этажи, и под её аккорды во двор с улицы вошла сухонькая старушонка в чёрном пальто. Она остановилась посреди двора и подняла к небу указательный палец.

Это была бабушка Волк.

Бабушка Волк

В роговых очках с толстыми линзами, в длиннополом пальто, с авоськой, из которой торчали коричневые макароны, бабушка Волк казалась на первый взгляд той старушкой, про которую сказано «божий одуванчик». Но дунуть

